

ПОНОШЕНИЕ И СРАМОСЛОВИЕ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

А. А. Вигасин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
alexey.vigasin@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется материал древнеиндийских юридических текстов о словесном оскорблении и бранная лексика санскрита. В этой связи ставятся вопросы о том, что именно в санскрите считалось оскорбительным и почему непристойности появлялись в сакральных памятниках.

Ключевые слова: ведийские ритуалы, дхармашастры, оскорбление, брань, непристойность

VERBAL ABUSE AND OBSCENITY IN ANCIENT INDIA

Alexey A. Vigasin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
alexey.vigasin@gmail.com

Abstract. The article presents an analysis of Sanskrit legal texts about verbal insult. The author pays special attention to abusive vocabulary of Sanskrit, raising the question of what was considered offensive and indecent in Sanskrit and why obscenity appeared in Vedic literature.

Keywords: Vedic rituals, Dharmaśāstra, insults, swearing, obscenity

Один из предметов судебного разбирательства (*vivādapada*) в санскритских шастрах называется термином «оскорбление словом» (*vāḥpāruṣya*). Обычно «оскорбление словом» рассматривается вместе с *daṇḍapāruṣya*, т.е. «оскорблением действием». Определения *vāḥpāruṣya*, которые даются в шастрах и средневековых комментариях, указывают на причиняемую человеку обиду:

Данные об авторе. Вигасин Алексей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

«слова неприятные, оскорбительные, обидные» (*apriyokti*¹, *pratikūlārtham*², *udvegaprajananārtham*³ и т.д.), употребляются такие эпитеты, как «речь грубая, резкая» (*dāruṇā vāc*⁴, *śuktavākya*⁵) и т.п. Иногда в это понятие включаются угрозы⁶ и клевета⁷, но обычно это просто ругань.

При определении наказания существенное значение придается выяснению того, кто был зачинщиком. Тот, кто первый начал ругаться, должен быть наказан строже («Нарада-смрити» XV–XVI. 10). «Если же обоих утихомирят, тот, кто возобновит [ссору], и должен быть наказан [независимо от того], был ли он первым [ее зачинщиком]» (там же, 11). Особое внимание обращается на социальную иерархию – прежде всего, на сословно-кастовую принадлежность. За оскорбление того, кто выше по варне, штраф пропорционально увеличивается. Например, в «Нарада-смрити» (XV–XVI. 16) предлагается такая градация штрафов: «За словесное оскорбление, нанесенное брахману, кшатрий должен [заплатить] штраф в 100 [пан], вайшья – в полтора или два раза больше, а шудра заслуживает телесного наказания» (ср. «Гаутама-дхармасутра» XII. 6–7). Если же оскорбление нанесено низшему по варне, штраф, соответственно, уменьшается: «Брахман заслуживает штраф в 50 [пан] за оскорбление, нанесенное кшатрию, за оскорбление, нанесенное вайшье – половина от 50, за [оскорбление] шудры – штраф 12 [пан]» (там же, 17). Низкокастовых можно и поколотить, не прибегая к царскому суду: «Ведь если низкие обидят достойного человека перед людьми, тот сам может [их] наказать, а не возлагать долг наказания на царя» (там же, 14).

Помимо касты учитываться может также возраст, состоятельность, родовитость и т.п.⁸ Так что если почтенный человек обругает какого-нибудь оборванца, то наказание уменьшается, а если оборванец оскорбит почтенного человека – увеличивается. Иногда упоминается и пол – за оскорбление чужой жены штрафы увеличиваются вдвое⁹. Здесь стоит обратить внимание на уточнение – «чужой жены».

¹ Брихаспати-смрити (цитата в комментарии Апарадитьи II. 204): *apriyoktis tāḍanam ca pārūṣyam dvividham smṛtam* («обидное слово и побои – вот два вида оскорбления»).

² Нарада-смрити XV–XVI. 1: «Слова, [сказанные] с целью обидеть, содержащие поношение родных мест человека, его касты, семьи и т.д. или указание на [его] телесный недостаток – все это называется оскорблением словом».

³ Митакшара II. 204.

⁴ Ману-смрити (VIII. 270): «Шудра, оскорбивший дваждырожденных грубым словом... (*vācā dāruṇayākṣipan*)».

⁵ Вишну-смрити V. 39: *śuktavākyaḥ* (здесь, очевидно, имеются в виду слова непристойные, а не просто обидные, как в предыдущих сутрах).

⁶ Артхашастра III. 18.1: «оскорбление словом – это поношение, посрамление и угроза (*vākpārūṣyamupavādaḥ kutsanamabhibhartsanam*)». И далее (9–10): «Кто скажет другому: “Я, мол, тебе сделаю то-то” – пусть заплатит половину от того, что полагалось бы за осуществление угрозы. А если он и не мог бы этого сделать и отговаривается гневом, аффектом, опьянением, пусть заплатит 12 пан». То же «Яджнавалкья-смрити» II. 208–209.

⁷ Ману-смрити VIII. 225.

⁸ См. например, комментарий Медхатитхи на «Ману-смрити» VIII. 269: Основной штраф устанавливается за оскорбление человека, равного по касте. Но если оскорбленный отличается богатством (*vittādhika*), штраф удваивается; если он выше по происхождению и родству (*bandhutvādhika*), увеличивается в три раза; если он отличается всяческими достоинствами (*sarvagūṇa*), а оскорбитель – человек ничтожный (*nirgūṇa*), умножается в шесть раз. Там же речь идет об учете различий по возрасту, занятиям и учености.

⁹ Артхашастра III. 18.5.: *parastrīṣu dvigūṇāḥ*. То же «Яджнавалкья-смрити» II. 206 (Виджнанешвара поясняет: *parabhāryāsu*).

Про свою жену обычно речи нет. Во-первых, это дело семейное. Во-вторых, муж ведь должен жену учить правилам поведения (*vinaya*). Не следует только при этом употреблять такие слова: «ты – испорченная», «падшая», «уродина», «без отца, без матери»¹⁰. Но если муж и оскорбит жену подобным образом, штраф назначается вдвое меньше¹¹, чем за оскорбление другого мужчины (а, следовательно, в четыре раза меньше, чем за оскорбление чужой жены).

Свою жену для вразумления можно подвергать даже телесным наказаниям. Надо только соблюдать в этом умеренность: прутом или ладонью по заду¹² – это нормально, но не поленом по голове. В этом отношении жена находится на том же положении, что другие *personae minoris iuris* (младшие члены семьи): «Жена, сын, раб, слуга и [младший] родной брат – если они совершили проступок, надлежит побить их бамбуковой палкою или веревкою. Но только по задней части тела, ни в коем случае не по благородной...» («Ману-смрити» VIII. 299–300¹³). На жену может быть наложен штраф, если она осмелится ругать мужа. Но штраф этот уменьшается вдвое, если имеется смягчающее обстоятельство. Таковым признается ревность, возникшая в результате измены мужа («Артхашастра» III. 3.10).

В чем именно может состоять обида? Прежде всего, это указание на телесные недостатки человека: назвать его кривым, хромым и т.д. Это оскорбительно даже в том случае, если соответствует правде. Но если подобное утверждение ложно, то оскорбление считается более тяжким. А еще есть категория *stutinindā* – «порицание под видом похвалы» (если, например, обратиться к одноглазому со словами: «О человек с прекрасными очами!»). За подобное издевательство штраф удваивается («Артхашастра» III. 18. 2–4). Если же обида наносится в состоянии аффекта или опьянения, штраф может быть уменьшен вдвое («Артхашастра» III. 18. 5).

Нельзя назвать вора словом «вор», а исключенного из касты (*patita*) «исключенным из касты». Речь, естественно, идет не о судебной процедуре, когда устанавливается вина подозреваемого, а о ругани – словах, сказанных с желанием обидеть. Нельзя обзывать человека, если за воровство он уже понес наказание, а за проступок совершил соответствующее покаяние. Так и говорится в «Нарада-смрити» (XV–XVI. 20): «Не следует упрекать в проступке того, кто искупил его согласно шастрам и понес наказание от царя; [виновный] в нарушении этого [правила] достоин наказания». «Если [кто-либо] назовет изгнанного из касты изгнанным из касты или же вора – вором, за [такие] речи на него [ложится] равный грех, а в случае клеветы – двойной» (там же 22, то же «Васиштха-дхармасутра» XX. 40).

Строго караются обидные характеристики той или иной социальной общности (по принадлежности к территории, а в особенности по происхождению и родству). Виджнанешвара¹⁴ приводит примеры подобного отсутствия толерантности: «гауды

¹⁰ Артхашастра III. 3.7: *naṣṭe vinaṣṭe nyanṅe apitrke amātrke ityanirdeśena vinayagrāhaṇam*.

¹¹ Артхашастра III. 3.9.

¹² Артхашастра III. 3. 8: «[Допускается] три удара по спине тростниковой палкой, веревкой или рукой. При нарушении этого [правила] половина от того штрафа, который установлен за оскорбление действием».

¹³ *Bhāryā putraśca dāsaśca preṣyo bhrātā ca sodaraḥ | prāptāparādhās tāḍyāḥ syū rajjivā veṇudalena vā || prṣṭhatas tu śārīrasya nottamāṅge kathamcana*. Комментатор Медхатитхи рассуждает о том, что, согласно общему правилу, никакие живые существа не подлежат избиению, но для жены и прочих делается исключение, ибо это, собственно, не избиение, а наставление. В легких случаях можно ограничиться словесным внушением, но в более серьезных необходимо и силу применить.

¹⁴ Митакшара II. 204.

драчливы, брахманы алчны, потомки Вишвамित्रы жестоки и т.п.». Как оскорбление рассматривается и непочтительное обращение шудры к брахману с упоминанием имени и касты (*nāmajātigraheṇa* – «Ману-смрити» VIII. 271; «Вишну-смрити» V. 25). Медхатитхи, комментируя эту шлоку Ману, приводит примеры: «Эй ты, брахманишка (*brāhmaṇaka*)» или *devadattaka* (значение слова в этом контексте должно быть примерно таким: «как там тебя по имени», т.е. «безродный»).

Обычным ругательным словом является *mūrkhā* («дурак») ¹⁵. В качестве оскорблений рассматриваются и ложные утверждения относительно учености, места происхождения, касты и исполнения обрядов (или занятий) (*śrutadeśajātikarmaṇām* – «Вишну-смрити» V. 26) ¹⁶. Более серьезную категорию брани составляет употребление слов *avacanīya* («которые не должны произноситься»). За это полагается двойной штраф («Нарада-смрити» XV–XVI. 18, «Ману-смрити» VIII. 269). Собственно говоря, всякая брань не должна произноситься. Но в данном случае слово *avacanīya* имеет вполне определенное значение – непотребные слова (*aślīla*) ¹⁷. Медхатитхи поясняет эту шлоку Ману: «Крайнее непотребство (*atyantanrśamsā*), относящееся к матери, сестре, жене и т.д.». Нандапандита, комментируя «Вишну-смрити» (V. 33), дает такой пример: «Я поимею (*gamiṣyāmi*) твою сестру или твою дочь».

Некоторые комментаторы толкуют употребляемое в этой связи слово *nyaṅga* ¹⁸ как *nikṛṣṭāṅga* ¹⁹, т.е. «относящееся к телесному низу». Обычно в самих шастрах это иллюстрируется фразой: *mātaram tava...* (*mātryukta* – «по матери», как выражается «Вишну-смрити» V. 34) ²⁰. Известный наш славянофил А.С. Хомяков утверждал, будто санскрит настолько близок русскому языку ²¹, что русский человек и без изучения санскрита понимает смысл – пусть это будет иллюстрацией данной мысли.

Помимо простых ругательств и более тяжелых оскорблений с матерщиной шастры говорят о самом тяжелом (*tīvra*): когда человека обвинят в том, что он выпил или съел нечто «некошерное» ²². Так что назвать человека *surāpa* (пьющим водку) ²³ – хуже, чем изматерить!

В нашем распоряжении весьма ограниченный материал по обсценной лексике, так как мы имеем дело лишь с литературными текстами на литературном языке. В разговорной речи соответствующие идиомы в Древней Индии, несомненно, были богаче и красочнее.

¹⁵ Так часто и ругаются герои пьесы Шудраки «Глиняная повозка».

¹⁶ То же в «Ману-смрити» (VIII. 273). Медхатитхи поясняет: если о брахмане говорят, что он кшатрий, или о жителе Мадхьядеше говорят, что он чужак, пришелец (*bāhyaka*).

¹⁷ Митакшара II. 204.

¹⁸ В комментарии Апарарадиты (II. 204) *nyaṅga* толкуется как «некультурные слова» (*asabhyavacana*).

¹⁹ Вивадаратнакара, 241. Ср. 240: *nyaṅgasamjñitam nikṛṣṭāṅgasamjñāvat*.

²⁰ Стоит отметить, что за упоминание матери в этом контексте штраф больше, чем за слова о сестре или дочери.

²¹ «Славянский язык есть не что иное, как санскритский» (Khomyakov 1904, 397); языки славянский и санскритский «можно назвать скорее наречиями, чем языками» (Khomyakov 1904, 34). Ср. в воспоминаниях Ф.И. Буслаева: А.С. Хомяков «нападал на меня за излишнюю осторожность в сличении языка славянского с санскритским и приводил примеры: из его слов я вывел, что он считает санскрит местным наречием языка русского» (Buslaev 2003, 310).

²² Брихаспати-смрити (цитата в «Вивада-ратнакара», 242).

²³ Митакшара (II. 204): *surāpo 'sīti... vacas tīvram*.

Сфера ругательств, связанных с сексуальной сферой, естественно, имеет в виду по преимуществу женщин (от мужчины ведь трудно требовать скромности и супружеской верности). Но слова типа *veśyā* (публичная женщина) или *paṇyāstrī* (продажная женщина) в качестве оскорблений обычно не фигурируют. Это всего лишь обозначение женской профессиональной деятельности, иногда даже почетной (как у *gaṇikā* – гетеры). Зато ругательством является *svairiṇī*²⁴ – «женщина, поступающая по собственной воле», эмансипированная. Это «потаскушка», или *puṁścalī* (шлюха).

Здесь уместно дать небольшой экскурс о слове *dāsīputra* (буквально «сын рабыни»). Согласно Г.Ф. Ильину²⁵, это – одна из категорий рабов. Но ни в одном из перечней категорий рабов в шастрах такого термина нет. Кроме того, шастры указывают, что отнюдь не всякий сын рабыни имеет рабский статус. В «Артхашастре» (III. 13. 23), к примеру, сказано, что сын рабыни от хозяина обретает свободу вместе с матерью. «Сын рабыни» (*dāsyāḥ putra*) применяется почти исключительно как ругательство. И смысл такое ругательство имеет лишь в том случае, если обращено к персонажу, который рабом-то не является. Такими словами, например, в пьесе Шудраки Самстханака называет благородного брахмана Чарудатту²⁶, к которому обычно обращаются со словом *ārya* и называют его *kulaputra*. Чарудатта жалуется на то, что его обедневший дом не посещают больше гости. Эти гости, безусловно, такие же купцы, как он сам, а вовсе не рабы, но видушака²⁷ Майтрея называет их *dāsyāḥ putrāḥ*²⁸, так как уверен, что они перестали приходить, чтобы их не попросили о материальной помощи. Такие же слова можно применять не только к людям: Майтрея, например, отзывается подобным образом и о ненастном дне²⁹, и о богатствах в доме³⁰. Г.Ф. Ильин полагал, что словосочетание «сын рабыни» в Древней Индии использовалось как ругательство, так как «переход свободного в рабское состояние резко снижал его в мнении других свободных»³¹. Однако если бы ругались рабским термином, можно было бы просто назвать человека рабом (*dāsa*)³², а этого не бывает. А вот словом *dāsī* ругаться могли...³³

Дело в том, что *dāsī* – женщина, у которой не может быть женской чести. Когда Катьяяна³⁴ говорит: *dāsīmiva bhuñjīta* («использует как рабыню»), он имеет в виду сексуальное использование. «Артхашастра» же показывает, что рабыню можно

²⁴ Комментарий Сарваджнанараяны на «Ману-смирти» VIII. 275.

²⁵ Ilyin 1963, 130 (то же: Bongard-Levin, Ilyin 1969, 344–345) – при этом автор подсчитывает количество упоминаний «сына рабыни» в пьесе Шудраки.

²⁶ Kale 1982, 50.

²⁷ Сценический персонаж, сходный с паразитом или шутом в европейской театральной традиции. Слово «видушака» происходит от глагола *vi-duṣ* (хулить), и Майтрея, действительно, не скупится на ругательства.

²⁸ Kale 1982, 24.

²⁹ Kale 1982, 210.

³⁰ Kale 1982, 24.

³¹ Ilyin 1951, 50.

³² В «Нанда-джатаке», например, хозяин обращается к своему рабу со словом *dāsa* (что является лишь констатацией его социального статуса), а обнаглевший раб оскорбляет (*ākkosati*) его, называя *dāsīputtaceṭaka*.

³³ Например, в «Глиняной повозке» негодяй Самстханака так обзывает Васантасену (Kale 1982, 38, 288 ff.). Обзывает он ее и словом *dāsīputrī* (Kale 1982, 46). Между тем для положительных персонажей она *āryā* (госпожа).

³⁴ «Кто использует как рабыню кормилицу своего ребенка, ту, которая рабыней не является, или жену слуги...» (цитата в комментарии Апарадитьи II. 183).

и другому дать попользоваться (III. 13.12: *svayamanyena vā dūṣayato*). Поэтому *dāsīputra* по значению близко к *veśyāputra*³⁵ (сын проститутки) или *puṁścalīputraka*³⁶ (сын шлюхи). В данном случае аналогом *dāsī* является наше «сука», а *dāsīputra* – «сукин сын» или, как в древнерусских текстах, «блядин сын». Подсчитывать число упоминаний *dāsīputra*, чтобы доказать обилие рабынь и рабов странно. Все равно как выискивать «сукиных детей» для определения поголовья собак.

Вопрос заключается в том, почему это грубое ругательство вполне допустимо в классической санскритской пьесе «Глиняная повозка». Здесь та же самая ситуация, что и с древнерусским выражением «блядин сын» – последнее тоже не считалось табуированным, матерным³⁷. Оно противостояло выражению «отецкий сын» (что примерно соответствует санскритскому *āryaputra* или *kulaputra*). Б.А. Успенский совершенно справедливо отмечает, что сексуальный аспект здесь отходит на второй план. Речь идет лишь о социальном статусе человека, о позорном происхождении его («безотцовщина», бастард). Б.А. Успенский предлагает в качестве русского эквивалента «подонок»³⁸. Я бы предпочел слово «ублюдок», где так же присутствует этимологическая связь с блудом.

Кстати сказать, М.Р. Кале в указанном выше издании пьесы Шудраки переводит *dāsīputrī* не буквально («daughter of slave»), а посредством «wench» (девка)³⁹ или «whore's daughter» (дочь проститутки)⁴⁰. Эти значения отражены и в словарях. Малый Петербургский словарь предлагает в качестве одного из значений для *dāsī* – «die Hure» (проститутка), словарь Джибананда Видьясагара⁴¹ определяет *dāsīputra* как «a bastard».

Dāsīputra приведено уже у Панини (VI. 3. 21–22) в качестве ругательного слова (*ākrośa*). Любопытно, что в той же грамматике (IV. 1. 131) фигурируют два примера на образование слов, обозначающих потомство «низких женщин» (*kṣudrābhyo*): *dāsera* от *dāsī* и *kāṇera* от *kāṇā* (буквально «одноглазая»). Патанджали комментирует эту сутру таким образом: *kṣudrā* (т.е. *dāsī* и *kāṇā*) – «та, у кого нет постоянного мужчины» (*anīyatapuṁskāṅgahīnā*). И полным аналогом слова *dāsīputra* является *kāṇelīmātar* – «бастард» (буквально «тот, чьей матерью является дочь одноглазой»). Последнее широко используется в «Глиняной повозке»⁴². При этом стоит подчеркнуть, что речь вновь идет лишь о ругательстве, ибо бастардом именуется царский шурин⁴³ Самстханака (негодяй, конечно, но отнюдь не человек неизвестного происхождения). Пауль Тиме⁴⁴ доказывал, что индийцы «одноглазой» (*kāṇā*) считали ворону, в гнездо которой кукушка подбрасывает яйца. Таким образом, *kāṇelī* (диалектная форма от *kāṇerī*) оказывается женщиной сомнительного происхождения («подкидыш, кукушонок»), а тем самым и сын ее – бастардом (Hurensohn, сын проститутки). В этой связи П. Тиме справедливо отмечает, что *dāsīputra* следует

³⁵ Kale 1982, 84.

³⁶ Kale 1982, 84.

³⁷ Uspensky 1994, 111.

³⁸ Uspensky 1994, 111.

³⁹ Kale 1982, 39.

⁴⁰ Kale 1982, 47.

⁴¹ Śabda-sāgara 2002, 339.

⁴² Kale 1982, 38, 40, 46, 256, 258, 260, 270, 272, 290.

⁴³ Syāla. Любопытно, что в новоиндийских языках это слово само используется как ругательство. Не является ли использование его в санскритской пьесе, порою имеющей характер фарса, свидетельством того, что такое значение было известно и в древности?

⁴⁴ Thieme 1971, 301 f.

трактовать тем же образом – не «сын рабыни», а «бастард», человек, чье происхождение со стороны отца неизвестно⁴⁵.

Глагол *yabh*, несмотря на очевидную старинную индоевропейскую этимологию, в нормативных санскритских текстах не употребляется. Он, несомненно, воспринимался как похабный (*aślīla*). Авторы шастр стараются заменять его на менее однозначные: *gam*, *adhigam*, *adhicar*, *saṃgam* («сходиться») или *prakṛ* («сделать»). Иногда при этом смысл настолько затемняется, что эвфемизм может вводить в заблуждение переводчиков. В «Яджнавалкья-смирти» (II. 293), например, говорится *ayonau gacchato yoṣāṃ puruṣaṃ vābhimēhataḥ*, что А.Ф. Штенцлер⁴⁶ перевел как «wer unnatürlichen Umgang mit einer Frau hat oder gegen einen Mann sein Wasser lässt» («кто с женщиной сходится противно естеству либо мужчине обмочит»). Но сексуальный контекст абсолютно очевиден и здесь, и в «Артхашастре»⁴⁷ (IV. 13. 40: *striyam ayonau gacchataḥ... puruṣaṃ adhimēhataśca*), и в «Бхагавата-пуране» (II. 3. 18⁴⁸). У А.М. Самозванцева⁴⁹ переведено верно: «кто сходится... с мужчиной противоестественным образом» (только по-русски не совсем складно – не понимая, как можно с мужчиной сойтись естественным образом).

Совершенно иную ситуацию мы видим в ведийских текстах. В заклинании «Атхарваведы» (XX. 136. 11, 12 и 13) женщина настойчиво повторяет призыв: «*yabha* меня». Согласно «Шанкхьяна-шраутасутре» (16. 4), это произносится во время ритуала ашвамедхи (ср. также «Ригвидхана» III. 24. 4). Главная царица (*mahiṣī*) лежит с конем под покрывалом и прикладывает его детородный орган себе между ног («Катьяна-шраутасутра» XX. 6. 21). Она произносит: «Мамочки мои⁵⁰ (*ambe ambalyambike*), никто меня не *yabhati*». То же в «Тайттирия-самхите» (VII. 4. 19. 2): *na mā yabhati kaścana*. Присутствуют откровенные описания сексуальных сцен, в том числе с использованием срамной лексики⁵¹. Читаются мантры о мощном быке-оплодотворителе (*vṛṣo vājī retodhā* – «Ваджасаней-самхита» XXIII. 2), «мужскую палку в женскую дыру» (там же, XXII. 22), «отец и мать твои влезали на вершину дерева», «отец твой совал кулак в женскую дыру – я, мол, хочу» (там же, XXII. 24).

В «Айтарея-брахмане» (III. 36.5) утверждается, что благодаря этим речам течет семя, от семени рождается потомство и, таким образом, произносящий мантры влагает потомство (*āhanyasyād retaḥ sicyate retasaḥ prajāḥ prajāyante prajātim eva tad dadhāti*). В «Шатапатха-брахмане» (XIII. 5. 2. 9) говорится: «Непристойные (*abhimethikāḥ*) речи приносят исполнение всех желаний при ашвамедхе». И далее (там же, 10): «Воистину, долгая жизнь (*āyuh*) и божества (*devatāḥ*) покидают тех, кто во время жертвоприношения произносят нечистые (*apūtām*) речи; потому они

⁴⁵ Вероятно, так следует переводить *dāsyāḥ putra* уже в «Айтарея-брахмане» II. 19, где речь идет о Каваше Айлуше – известном древнем мудреце (по всей видимости, упоминаемом уже в «Ригведе» VII. 18. 12 как «ученый старец» – *śrutam kavaṣam vṛddham*). В «Айтарея-брахмане» о нем говорится как о домашнем жреце (пурохите), а потому вряд ли он мог быть, в действительности, «сыном рабыни».

⁴⁶ Yājñavalkya 1849. Переводчик, несомненно, рабски последовал за Виджнанешварой (*abhimukho mehati*). Отсюда и появилось значение глагола (*beharnen*) в Петербургских словарях. См. Meyer 1927, 173–174.

⁴⁷ Являвшейся, видимо, источником данного фрагмента «Яджнавалкья-смирти».

⁴⁸ Комментатор поясняет, что речь идет об истечении семени при соитии: *retaḥsekaṃ maithunaṃ kurvanti* (цит. по БПС. Т. V, 790).

⁴⁹ Samozvantsev, 1994, 82.

⁵⁰ К переводу см. Meyer 1937, Bd III, 241.

⁵¹ См. Meyer 1937, Bd III, 240–246; Fišer 1966.

очищают речь, дабы божества не удалились от жертвоприношения». Таким образом, непристойности и эротические насмешки, содержащиеся в Ведах, не считались осквернением жертвоприношения, они, напротив, служили его очищению.

В средневековых дарственных грамотах на землю фигурирует такое проклятие: «А кто отнимет это дарение, мать его осел *yabhāti*»⁵². Иногда текст сопровождается картинкой, изображающей женщину и осла в соответствующей позиции. Мы можем сравнить подобные проклятия с хорошо известным славянским материалом. Известный немецкий путешественник XVI в. Сигизмунд Герберштейн сообщает, что русские ругаются так: *canis matrem tuam subagitet*⁵³ («Мать твою пес...» – известный русский глагол только покрепче будет, чем латинское *subagito*). Б.А. Успенский⁵⁴ придает особое мифологическое значение тому, что фигурирует здесь именно пес. Но индийский материал скорее склоняет к мысли, что годится и любое иное четвероногое животное⁵⁵.

В описании ритуала махаврата появляется пара *apagara* и *abhigara* на алтарной площадке («Катьяяна-шраутасутра» XIII. 3. 6–7: *antarvedy abhigarāpagarau | ākrośatyekaḥ praśamsatyaparaḥ*)⁵⁶. Один, сидящий с западной стороны, срамословит, другой, сидящий с восточной стороны лицом к западу, славословит. Контекст очень показательный: мы видим здесь противоборство тьмы и света, ария и шудры – они сражаются за солнечный диск как боги и асуры. Тут же и другая пара – в откровенный диалог вступает шлюха (*pumścalī*) и целомудренный брахмачарин⁵⁷. Она высмеивает его («Драхьяяна-шраутасутра» XI. 3. 9 f.), намекая на поллюции (*duścaritin avakīrṇin*). Он же отвечает ей: «Позор тебе, негодница, шлюха, деревенская обтирка, что мочит мужской член (*dhik tvā jālmi pumścali grāmasya mārjani puruṣasya śiśnapraṇejani*)». Эти реплики повторяются трижды. Далее идет совокупление (*mithuna*) – видимо, участников обряда. Поношение и срамословие являются обязательным элементом данного ритуала – так же, как перебранка на сексуальные темы: «шлюха и брахмачарин ругают (*ākrośataḥ*) друг друга» («Катьяяна-шраутасутра» XIII. 3. 6).

Сами брахманические тексты определяют функцию этой брани как «очистительную». В «Тайттирия-самхите» (VII. 5. 9. 3) говорится: «кто *ākrośati* (бранит), тот *punāti* (очищает)» участников ритуала. То же в «Джайминия-брахмане» III. 356 (*śamalamasya ninditā pratimuñcate*) и «Панчавимша-брахмане» (V. 5. 13). «Джайминия-брахмана» (II. 405) определяет функцию этой брани как способствующую оплодотворению: *mithunatvāya prajananāya*. В каких-то случаях нужно думать о

⁵² СII, VII. 2, 207: *yo na dadāti tasya mātā* [sic!] *gardabho yabhāti* [sic!] (по Salomon 1998, 68). Пишущие матерные слова в Древней Индии тоже особой грамотностью не отличались... Там же приводится и другой вариант оскорбления (EI, IX, 1907–1908, 164): «А кто поступит иначе, отец его – осел, а мать его – свинья» (идея почти та же – связь матери проклинаемого с ослом).

⁵³ Цит. по: Uspensky 1994, 86.

⁵⁴ Uspensky 1994, 84–99.

⁵⁵ Уподобление брани собачьему лаю, вопреки мнению Б.А. Успенского (1994, 89), не имеет никакого отношения к матерным выражениям. Речь должна идти лишь об очевидном сходстве тех, кто бранится, с брехливыми собаками. В Индии, как уже говорилось, ругань может быть выражена словом *ākrośa* от глагольного корня *kruś*, и от того же корня образовано существительное *kroṣṭar*, означающее шакала. Последний, однако, никогда не фигурирует в матерных идиомах. Cf. Hopkins 1925, 46.

⁵⁶ См. Kuiper 1979, 207.

⁵⁷ См. Gonda 1975, 223 f.

магии плодородия (в пуранах говорится, что бог Кама «любит похабные речи» – *tuṣṭo jugupsitoktibhiḥ*⁵⁸). В каких-то – об устранении злых сил⁵⁹ (по русскому выражению, «черти матюков боятся»).

Срамные слова не просто допустимы в ритуальных текстах – они там необходимы. И дело вовсе не в том, что в ведийскую эпоху они еще не считались неприличными. Напротив, именно их постыдность и требовалась. В ритуале все табу снимаются: чем крепче слово – тем действеннее. Здесь есть проблема для переводчика. Там, где автор санскритского текста старательно избегает общенной лексики и говорит, к примеру («Яджнавалкья-смирита» II. 205): *abhigantāsmi bhaginīm mātaraṃ vā tava*⁶⁰, переводить можно так же неуклюже: «сестрой твоей или матерью твоей я овладею». Но в описании ашвамедхи заботиться о пристойности или в упомянутой дарственной переводить более цензурными словами: «осел вступит в сексуальную связь с его матерью» – смешное ханжество. Более того, это непонимание характера заклятья! В угоду приличиям переводчик лишает проклятье его магической силы. В науке, как в ритуале, табу слов снимается!

Литература / References

- Bongard-Levin, G.M., Ilyin, G.F. 1969: *Drevnyaya Indiya. Istoricheskiy ocherk* [Ancient India. Historical Outline]. Moscow
Бонгард-Левин, Г.М., Ильин, Г.Ф. *Древняя Индия. Исторический очерк*. М.
Buslaev, F.I. 2003: *Moi dosugi. Vospominaniya, stat'i, razmyshleniya* [My Leisure Hours. Reminiscences, Articles, Reflections]. Moscow
Буслаев, Ф.И. *Мои досуги. Воспоминания, статьи, размышления*. М.
Fišer, I. 1966: *Indian Erotics of the Oldest Period*. Praha
Gonda, J. 1975: Ascetics and Courtesans. In: J. Gonda, *Selected Studies*. Vol. IV. Leiden, 223–247
Hopkins, E.W. 1925: Words of Defamation in Sanskrit Legal Language. *Journal of American Oriental Society* 45, 39–50
Ilyin, G.F. 1963: Osnovnye problemy rabstva v Drevney Indii [Basic Problems of Slavery in Ancient India]. In: *Istoriya i kul'tura Drevney Indii* [History and Culture of Ancient India]. Moscow, 118–161
Ильин, Г.Ф. Основные проблемы рабства в Древней Индии. В кн.: *История и культура Древней Индии*. М., 118–161
Ilyin, G.F. 1951: Osobennosti rabstva v Drevney Indii [Some Peculiarities of Slavery in Ancient India]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 33–52
Ильин, Г.Ф. Особенности рабства в Древней Индии. *ВДИ* 1, 33–52

⁵⁸ Bhaviṣya-purāṇa II. 2. 8. 100, цит.: Hemādri III. 2 со ссылкой на «Сканда-пурану» (см. Meyer 1937, Bd I, 91). И.Я. Мейер (1937, Bd III, 246) справедливо указывает на то, что словесные непристойности могут выступать в качестве магической замены сексуальной связи или священного брака.

⁵⁹ Ср. Uspensky 1994, 62: «матерная брань в ряде случаев оказывается функционально эквивалентной молитве».

⁶⁰ Виджнанешвара добавляет в комментарии, что такое же оскорбление может касаться и жены. Однако обычно о жене нет речи, хотя, казалось бы, бесчестие ее должно сильнее задеть мужчину, чем непотребство с его сестрой. На самом деле, матерное выражение (несмотря на употребление глагола в будущем времени или в оптативе) нельзя рассматривать в качестве угрозы. За угрозу оскорблением действием, как было сказано, полагаются совершенно иные наказания. При этом они зависят от наличия возможности нанести подобное оскорбление и сопровождаются обещанием ничего подобного не предпринимать. Но в случае матерной брани ничего подобного нет. Оскорблением (или экспрессивным выражением в формуле проклятия) является само сближение матерного глагола с наиболее святыми объектами или персонажами. А тогда иерархия самых близких человеку женщин будет именно такой: мать, чуть ниже сестра и дочь, наконец, жена.

- Khomyakov, A.S. 1904: *Zapiski o vsemirnoy istorii. Chast' 1. (Polnoe sobranie sochineniy A.S. Khomyakova. T. 5).* [Notes upon World History. Part 1. (Complete Works of A.S. Khomyakov. Vol. 5)]. Moscow
- Хомяков, А.С. *Записки о всемирной истории. Часть 1. (Полное собрание сочинений А.С. Хомякова. Т. 5).* М.
- Kuiper, F.B.J. 1979: *Varuṇa and Vidūṣaka. On the Origin of the Sanskrit Drama.* Amsterdam
- Meyer, J.J. 1927: *Über das Wesen der altindischen Rechtsschriften und ihr Verhältnis zu einander und zu Kauṭilya.* Leipzig
- Meyer, J.J. 1937: *Trilogie altindischer Mächte und Feste der Vegetation. I–III.* Zürich–Leipzig
- Kale, M.R. (ed.) 1982: *Mṛcchakaṭika of Śūdraka.* Delhi
- Śabda-sāgara 2002: *A Comprehensive Sanskrit-English Lexicon.* Varanasi
- Salomon, R. 1998: *Indian Epigraphy.* Delhi
- Samozvantsev, A.M. 1994: *Kniga mudretsa Yadzhnavalk'i [The Book of the Sage Yajnavalkya].* Moscow
- Самозванцев, А.М. *Книга мудреца Яджнавалкьи.* М.
- Thieme, P. 1971: Über einige persische Wörter im Sanskrit. In: P. Thieme, *Kleine Schriften.* Teil I. Wiesbaden, 278–336
- Uspensky, B.A. 1994: Mifologicheskii aspekt russkoy ekspressivnoy frazeologii [Mythological Aspect of Russian Expressive Phraseology]. In: B.A. Uspensky, *Izbrannye trudy. T. II. Yazyk i kul'tura [Selected Papers. Vol. II. Language and Culture].* Moscow, 53–128
- Успенский, Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. В кн.: Б.А. Успенский, *Избранные труды. Т. II. Язык и культура.* М., 53–128
- Yājñavalkya 1849: *Yājñavalkya's Gesetzbuch. Sanskrit und Deutsch.* A.F. Stenzler (Hrsg.). Berlin–London